

Анализируя Хабермаса: консервативный постмарксизм и новая модель социального развития¹

В статье, посвященной 90-летию выдающегося немецкого социолога Юргена Хабермаса, анализируется его вклад в развитие социальной теории. Показана интеллектуальная эволюция Хабермаса от компромиссного неомарксизма к консервативному постмарксизму. Диалектическая противоречивость творчества Хабермаса видится в том, что его интегративная парадигма и «двухуровневая» теория общества открывают новую перспективу в понимании целей и индикаторов социального развития. Идеи коммуникативной рациональности и коммуникативного действия как оснований социальности созвучны современным тенденциям социального развития, но в теории Хабермаса они используются, чтобы противостоять социальным изменениям и отстаивать ценности и институты позапрошлого столетия. Концепция защиты жизненного мира от экспан-

сии системы характеризуется как консервативная утопия. В современном контексте процессов виртуализации и поствиртуализации жизненным миром, где происходят создание смыслов, развитие символических структур и легитимация систем, предстает не консервативная повседневность как обыденная реальность, воспроизводящая традиционность, а дополненная реальность, создаваемая креативными и мобильными коммуникациями, сетевыми и потоковыми структурами.

Ключевые слова: Хабермас, критическая теория, коммуникативное действие, социальное развитие, диалектика

doi:10.33491/telescope2019.302

Дмитрий Иванов
доктор социологических наук, профессор СПбГУ

Введение: этапы интеллектуальной биографии Ю. Хабермаса

18 июня 2019 г. исполняется 90 лет Юргену Хабермасу. Это прекрасный повод обратиться к анализу его творчества, поскольку в современной социологии Хабермас — поистине историческая фигура, человек-эпоха. В охватывающей почти семь десятилетий эпохе — интеллектуальной биографии Хабермаса можно выделить три главных этапа. Первый этап — разработка новой версии критической теории общества в рамках Франкфуртской школы (в середине 1950-х — начале 1970-х гг.). Второй этап — создание теории коммуникативного действия (в середине 1970-х — начале 1990-х гг.). Третий этап — выдвигание политических и этических концепций в формах публичного дискурса — эссе, лекций, интервью, посвященных судьбам современного общества, демократии и культуры в Германии, Европе и мире (с середины 1990-х гг. по настоящее время).

На первом этапе главным результатом творчества Хабермаса стала компромиссная версия критической теории общества. В его работах того времени первоначальный негативизм франкфуртских теоретиков в отношении традиционной теории, превращающей науку в инструмент господства, сменился на утверждение значимости трех равновеликих форм социологии — позитивистской, понимающей и критической. Этой концепцией теоретико-методологического компромисса с социологическим мейнстримом, а также разработанной на ее основе теорией ценностно-нормативного кризиса позднего капитализма Хабермас внес существенный вклад в неомарксизм.

На втором этапе своего творчества Хабермас создал теорию современного общества, которая ознаменовала его переход от неомарксизма к постмарксизму. Теория коммуникативного действия релятивизировала идеи Маркса, поставила их вместе с идеями других классиков социологии в единый ряд источников создания новой социологической парадигмы. Интегративная парадигма, объединяющая структуральные и агентностные, по-

зитивистские и конструктивистские, объективистски-аналитические и социально-критические подходы, стала главным результатом деятельности Хабермаса на этом этапе.

На третьем этапе интеллектуальной биографии Хабермаса главный результат его деятельности носит скорее характер не социально-теоретический, а социально-символический. Этот результат — его статус глобального интеллектуала, подтвержденный многочисленными международными премиями (среди них премия принца Астурийского в 2003 г. и премия Клоге в 2015 г.) и рейтингами (например, журнал *Foreign Policy* включил Хабермаса в рейтинг Top 100 Public Intellectuals в 2005 и 2008 гг. и в рейтинг Top 100 Global Thinkers в 2012 г.).

Третий этап интеллектуальной биографии Хабермаса, его вклад в публичный дискурс и связь его позиции публичного интеллектуала с его теоретическими взглядами представляет несомненный интерес и должны стать предметом изучения в контексте истории социологии. Однако собственно теоретические достижения Хабермаса и его вклад в развитие социологии все же связаны с первыми двумя этапами. Поэтому дальнейший анализ в статье будет сфокусирован на их содержании, на тех работах и идеях Хабермаса, которые сформировали его версию критической теории общества и теорию коммуникативного действия.

Компромиссная версия критической теории: вклад в неомарксизм

В 1960-х гг. во франкфуртском Институте социальных исследований сформировалось так называемое второе поколение Франкфуртской школы, к которому среди прочих учеников и младших коллег Хоркхаймера и Адорно принадлежал и Хабермас. В этот период «Диалектика Просвещения», написанная Хоркхаймером и Адорно в середине 1940-х гг. [Horkheimer, Adorno, 1947], подавалась как окончательная форма критической теории. Представленное в ней видение современного общества как системы тотального и непреодолимого подавления человека и природы, а рационального мышления и

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

науки как идеологии этой системы не позволяло удовлетворительным образом интерпретировать изменения социально-исторических условий в мире и в Германии после второй мировой войны. Концептуальный аппарат «Диалектики Просвещения» не мог служить инструментом анализа таких тенденций, как либерализация и демилитаризация общества после поражения национал-социализма, рост благосостояния вследствие послевоенного «экономического чуда» и развития социального государства (welfare state), сексуальная революция и подъем студенческого, антивоенного и феминистского движений.

Угроза вырождения критической теории в догматическое учение и утраты ее связи с «революционной практикой», представленной новыми левыми и молодежью, побудила Хабермаса к переосмыслению научного и практического статуса теории. Свое видение задач критической теории, принципов ее построения и соотношения с другими формами знания и с социальной практикой он представил в докладе по случаю вступления в профессорскую должность в университете Франкфурта (1965), а также в книгах «Познание и интерес» (1968) и «Техника и наука как идеология» (1968). Хабермас выдвинул концепцию связи между познанием и фундаментальными интересами людей [Habermas, 1968a; 1968b], которая ревизовала положения выдвинутого в 1930-х гг. Хоркхаймером проекта критической теории как альтернативы традиционной теории [Horkheimer, 1988]. Хабермас, как и Хоркхаймер, начинает с критики объективистских иллюзий науки, основывающейся на представлении о «реальности в себе, состоящей из фактов». Но он отказывается от навеянной Кантом идеи Хоркхаймера об обществе как трансцендентальном субъекте и, опираясь на работы Э. Гуссерля, трансцендентальное а priori полагает в очевидности жизненного мира. Возможные объекты научного анализа, по Хабермасу, конституируются повседневным опытом индивида, а не совокупным процессом воспроизводства общества. Опора на концепцию жизненного мира ведет к существенной корректировке исходных принципов критической теории: теория направляется не всепоглощающим интересом общества как целого, а интересом (или интересами) индивидуальной деятельности и межиндивидуального взаимодействия.

Хабермас выделяет три типа познавательного интереса, которые конституируют три типа «логико-методологических правил» [Habermas, 1968b: 146-148]. Подход «эмпирико-аналитических наук» конституируется «техническим интересом», «историко-герменевтические науки» предполагают «практический интерес», а подход «критических ориентированных наук» базируется на «эмансипационном интересе». Заинтересованность в эффективном контроле над «объективированными процессами», то есть вещами и людьми, рассматриваемыми как цели и средства действия, формирует подход к изучаемым явлениям как объектам, связанным в закономерную систему. Заинтересованность в достижении возможного взаимопонимания, «консенсуса» между взаимодействующими индивидами формирует подход к изучаемым явлениям как «текстам», которые необходимо интерпретировать с тем, чтобы понять их смысл. Заинтересованность в освобождении субъекта от зависимости от отношений, которые в принципе устранимы, не являются необходимостью, формирует подход саморефлексии. Этот подход и лежит в основании критической социальной науки, которая стремится разграничить теоретические утверждения, которые «схватывают инвариантные регулярности социального действия как такового», и те, которые «выражают идеологически за-

ставшие отношения зависимости, которые могут, в принципе, быть трансформированы» [Habermas, 1968b: 148].

Конститутивные для познания интересы формируются соответственно в процессах труда как инструментального действия, коммуникации и эмансипации, которая может быть действием, освобождающим от подавления природными силами, людьми, ложным сознанием. Таким образом, концепция Хабермаса подразумевает своего рода «баланс интересов» между традиционными социологическими теориями и критической теорией. Поскольку конституирующие их методологию интересы коренятся в «инвариантных регулярностях социального действия как такового», позитивистская и понимающая социология не является идеологией господства. Концепция познавательных интересов дезавуирует и критику позитивизма М. Хоркхаймером, и знаменитый «спор о позитивизме» — полемику Т. Адорно с К. Поппером. Взаимные нападки сторонников позитивистского и критического подходов отрицают значимость познавательных интересов, которые в равной мере жизненно необходимы.

Хабермас легитимировал возможность трансформации критической теории на базе методологического компромисса с социологическими теориями, принадлежащими к эмпирико-аналитическому и историко-герменевтическому подходам. Признание относительной истинности позитивистской и понимающей социологии позволяет включать в критическую теорию те их компоненты, которые «схватывают инвариантные регулярности социального действия как такового».

Оспаривая критику основоположниками Франкфуртской школы науки и технологии как идеологии подавления [Habermas, 1968b], Хабермас полагает, что проблема освобождения, устранения в обществе несправедливости лежит в сфере социальной коммуникации. Идеология — это «систематическое искажение коммуникации». Это положение восходит к идее, которую Хабермас высказал еще в своей ранней книге «Структурное изменение общественности» (1962), где он указывал на современную деградацию общественной сферы, где публика в ситуации открытой дискуссии призвана достигать консенсуса и тем разрешать противоречия и устранять диспропорции, сопутствующие технико-экономическому развитию капитализма [Habermas, 1962]. Интерессубъективно разделяемое знание, которое создается «общественностью, действующей в идеальной речевой ситуации», противостоит идеологии, формируемой иерархически выстроенными коммуникациями в сфере массмедиа.

В интерпретации Хабермаса научное сообщество и в целом интеллигенция из производителей инструментального знания на службе системы подавления, обличаемых классиками критической теории, превратились в гарантов рационального, равного и свободного формирования знания для воспроизводства гуманных форм социальной жизни. Такая трактовка открывает для критической теории путь и к методологическому компромиссу с академическим мейнстримом, и к социально-практическому компромиссу с интеллектуальным истеблишментом из средних слоев буржуазного общества.

Образцом реализации стремления Хабермаса к такому компромиссу, когда теория остается критической, но не отрицает полностью истинность традиционных теорий, можно считать совместный семинар и публикацию совместной работы Ю. Хабермасом и Н. Луманом. В книге «Теория общества или социальная технология. Что дает исследование систем?» [Luhmann, Habermas, 1971] дискуссия двух лидеров разных парадигм — нео-

марксизма и функционализма обнаружила рецепцию Хабермасом ключевых идей системно-теоретического подхода, проблематичность которого он видит лишь в некорректной редукции тотальности общества к структурам экономической и административной систем и в дефиците легитимности этих систем.

В ходе дебатов с Луманом Хабермас впервые в тезисной форме представил свой вариант теории современного общества, который соответствовал заявленной программе обновления критической теории. В развернутом виде эта теория опубликована в книге «Проблема легитимации в условиях позднего капитализма» (1973). Хабермас начинает с констатации неэффективности традиционного марксизма в контексте позднего капитализма. Анализ экономики не является непосредственно социальным анализом, так как экономика не детерминирует теперь непосредственно социальные, прежде всего политические институты. Скорее государственное регулирование и «квазиполитический» альянс организованного труда (профсоюзов) и капитала (предпринимателей) политически опосредуют экономику, что позволяет возникнуть в экономике кризисные тенденции устранять путем «передачи» их через политическую систему в социокультурную систему [Habermas, 1973: 66-69]. Такая «передача» вызывает «дефицит легитимности» активного вмешательства государства в экономику и попыток компенсировать его посредством системы «формальной демократии» (которую Хабермас отличает от «субстантивной демократии») и посредством манипулирования сознанием в сфере культуры.

Попытки компенсировать недостаток легитимации методами манипулирования сознанием наталкиваются на ограничения, связанные с тем, что культура обладает характерной установкой к сопротивлению административному контролю. В критической теории Хабермаса не экономика и политика, а культура становится сферой борьбы между тенденциями подавления и эмансипации. С точки зрения Хабермаса, традиционные сферы буржуазной культуры — наука, искусство, универсальная мораль — амбивалентны в отношении капитализма. Они содержат оппозиционные элементы. Наука может рассматриваться и как идеология, и как критика. В искусстве наличествуют и аффирмативный истеблишмент, и нонконформистский андеграунд. В буржуазной морали Хабермас обнаруживает и «приватизм» — эгоистическую этику, и «коммуникативную» этику взаимодействия на основе консенсуса. Хабермас приводит перечень оппозиционных культурных феноменов, подразделяя их на активистские и ретритистские. К числу первых он относит студенческое движение, бунты учеников, пацифистское и женское движения. К числу ретритистских явлений Хабермас относит хиппи, христианский фундаментализм, наркосубкультуру.

Поскольку потенциал эмансипации в условиях позднего капитализма Хабермасом отождествляется с антиэтатистскими и антикапиталистическими ценностями и движениями внутри традиционной либеральной культуры, его версию критической теории следует квалифицировать как компромиссную по отношению к существующему обществу. Развивавший в тот же период радикальную версию критической теории Маркузе апеллировал к социально исключенным, маргинальным и асоциальным с традиционной точки зрения тенденциям, трансцендирующим существующий социальный порядок в целом [Marcuse, 1964; 1972]. Компромиссная же версия теории допускает движение против системы подавления и за свободу лишь до предела, связанного с культурной традицией либерализма, и фокусирует внимание на активизме и гражданских инициативах, согла-

сующихся с традиционными буржуазными добродетелями.

Сдвиг к постмарксизму: теория коммуникативного действия

Концепция кризиса легитимации стала заметным вкладом Хабермаса в неомарксизм, однако со второй половины 1970-х гг. его теоретизирование стало уже постмарксистским. Различие между неомарксизмом и постмарксизмом заключается в том, что если для первого исходной идеей является одновременное признание правильности теории Маркса в условиях раннего капитализма и необходимости обновления его теории применительно к условиям позднего капитализма, то для второго характерна релятивизация идей Маркса как недостаточных для анализа любого периода как в прошлом, так и в настоящем. Неомарксисты стремятся обновить марксизм, поскольку убеждены, что Маркс во всем был прав, но изменились условия. Постмарксисты же полагают, что Маркс изначально не во всем был прав, что нужно его ошибки исправить и реконструировать марксизм на другой концептуальной основе. В работе Хабермаса «К реконструкции исторического материализма» (1976) отправной пункт — тезис о некорректном отождествлении Марксом понятий труда и практики (Praxis), имевшем фатальные последствия для теории, в которой социальная эволюция редуцируется к процессу рационализации системы целерационального действия [Habermas, 1976].

Определение Хабермасом социальной эволюции как процесса рационализации и исторического материализма Маркса как страдающей односторонностью теории этого процесса свидетельствует, что Хабермас критикует скорее концепцию рационализации Хоркхаймера и Адорно, а не исторический материализм Маркса. Именно Хоркхаймер и, вслед за ним, Адорно полагали тотальную рационализацию существом процесса развития современного общества как общества подавления [Horkheimer, 1941; Horkheimer and Adorno, 1947].

Источник подавления в социальной и личностной системах Хабермас видит не в рационализации самой по себе, а в систематическом искажении коммуникации. Оно препятствует осознанию конфликтов и их регулированию на основе консенсуса, формирует межличностные и внутриспсихические коммуникационные барьеры. Искривление коммуникации возникает как следствие недостаточной рациональности коммуникативного действия, которое «не может быть рационализировано ни в техническом аспекте средств, ни в стратегическом аспекте их выбора, а только в морально-практическом аспекте ответственности действующего субъекта и справедливости нормы, регулирующей действие» [Habermas, 1976: 119]. Сохраняя взгляд на экспансию целерационального действия как угрозу свободному развитию общества, сбалансированную рационализацию человеческого действия обоих типов Хабермас квалифицирует как позитивный процесс социальной эволюции.

Собственно результат реконструкции — пересмотр Хабермасом стадий социальной эволюции представляет собой тривиальную по меркам 1970-х гг. схему, опирающуюся на эволюционную модель Парсонса. Парсонс выделял в соответствии со степенью дифференциации социальной системы три стадии эволюции: примитивное, промежуточное и современное общество [Parsons, 1966]. Хабермас описывает четыре стадии рационализации действия: неолитические общества, ранняя цивилизация, развитая цивилизация, современное

общество [Habermas, 1976: 158-159]. Единственное заметное различие в концепции Хабермаса по сравнению с моделью Парсонса — выделение в «промежуточной» стадии перехода от ранней к развитой цивилизации, определяемого разрушением мифологической картины мира и исчезновением «фигуры правителя» как морального референта при регулировании социальных конфликтов. Это описание перехода воспроизводит признаки того процесса, который Хоркхаймер анализировал еще в статье «Конец разума» (1941) и в «Диалектике просвещения» (1947), полагая избавление от власти мифологии и моральных авторитетов процессами, конституирующими субъективность и индивидуальность как фундамент современной цивилизации [Horkheimer, 1941; Horkheimer and Adorno, 1947].

Стремясь соединить в своей концепции социальной эволюции критический анализ рационализации (Франкфуртская школа) и функциональный анализ дифференциации системы действия (Парсонс), Хабермас достиг методологического компромисса с современной социологией, но результатом компромисса стал теоретический консерватизм. Если в «К критике политической экономики» и «Капитале» Маркса было представлено новое для середины XIX в. видение и истории, и тенденций развития общества, а в «Диалектике просвещения» Хоркхаймера и Адорно и «Одномерном человеке» Маркузе — новое для середины XX в., то в «К реконструкции исторического материализма» Хабермас представил модель, устаревшую с точки зрения и традиционной, и критической теории, но отражающую социальный идеал либерально настроенного и просвещенного среднего слоя позднейиндустриального общества.

Вершиной творчества Хабермаса, нацеленного на разработку теории современного общества, стал двухтомник «Теория коммуникативного действия» (1981), который не столько являл собой новую версию критической теории, сколько суммировал, увязывал в логически стройную систему и встраивал в социологический мейнстрим все, написанное Хабермасом за два предшествующих десятилетия [Habermas, 1981b]. В этом масштабном произведении можно выделить две основные темы, обусловленные главными интенциями автора: 1) синтез теоретических традиций и интеграция критической теории в социологию, 2) построение теории современного общества и модели социального развития на базе концепции коммуникативной рациональности.

Стремление к синтезу ранее прогивопоставлявшихся теоретических направлений в социологии стало общим и явно выраженным к концу 1970-х гг., когда исчерпала себя тенденция к построению и состязанию новых парадигм, породившая в 1960-х гг. феномен мультипарадигмальности. Теперь мультипарадигмальность расценивается как естественное положение, и такое изменение подхода явно свидетельствует о распространении в социологическом сообществе ценностной установки на теоретический плюрализм и взаимодополнительность альтернативных парадигм. Формой теоретизирования все более становится сопоставительный анализ и систематизация основных теоретических подходов. В таком ключе в конце прошлого века были написаны многие работы, чьим предметом является разработка современной социологической теории [Sztompka, 1979; Alexander, 1982; Giddens, 1984], и «Теория коммуникативного действия» Хабермаса — одно из наиболее выдающихся произведений в этом ряду.

В отличие от радикально анти-социологического пафоса работ Хоркхаймера, Маркузе, Адорно 1930-х — 1960-х гг., критическая теория у Хабермаса призвана не конкурировать с традиционными подходами, а «объяс-

нить специфические ограничения и относительную правоту этих подходов» [Habermas, 1981b: Bd.2, 550]. Руководствуясь этим принципом, он ставит цель детально проанализировать, сравнить, переформулировать и интегрировать в новую теорию концепции не только своих предшественников в разработке критической теории Хоркхаймера и Адорно, но и концепции М. Вебера, Дж. Мида, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др. [Habermas, 1981b: Bd. 1: 8-9].

Классические теории нужно интегрировать в рамках новой парадигмы, поскольку они так и не смогли избежать неразрешимых противоречий, провоцируемых традиционным различием «субъект — объект», в рамках которого социальные феномены — это либо представления (субъективация объекта), либо действия (объективация субъекта). Все ранее созданные социологические подходы, по мнению Хабермаса, представляют собой двоякого рода результат односторонней абстракции, неосознанно отсекающей связи между жизненным миром и системой — двумя аспектами современного общества как целого. Фиксация предмета теории на объективации характеризует теории, представляющие общество как систему. Фиксация на субъективации — теории, представляющие общество как жизненный мир. Критикой односторонности существующих теорий общества Хабермас открывает собственную перспективу, в которой теория современного общества строится как «двухуровневая» теория, интегрирующая концепции жизненного мира и системы [Habermas, 1981b: Bd. 2, 179-180].

Современное общество, раздвоенное на жизненный мир и систему, сформировалось в процессе рационализации. Хабермас показывает, что классики социологии — Маркс, Вебер, Хоркхаймер и Адорно, так или иначе, идентифицировали развитие современного общества с «экспансией инструментальной и стратегической рациональности» действия. По-разному оценивая процесс рационализации, Маркс, Вебер, Хоркхаймер и Адорно сходились в том, что это — неотвратимый процесс. Но при этом все они исходили из некоего смутного представления об альтернативной и, одновременно, более широкой рациональности. Понятия «ассоциальной свободных тружеников» (Маркс), «субстанциональной» рациональности (Вебер), «миметического» отношения к природе (Хоркхаймер и Адорно) релятивизировали эмпирически фиксируемый процесс рационализации. Но действительной альтернативой эти концепции не были, поскольку были замкнуты в рамках субъект-объектной трактовки рациональности, а выход следует искать с позиций интерессубъективного подхода. Процесс рационализации приобретает иной смысл, если она рассматривается с точки зрения коммуникативной рациональности, направляющей действия на достижение взаимопонимания между индивидами на общей основе неявного знания о мире. Рационализация общества — это прежде всего рационализация жизненного мира.

Рационализация ведет к усложнению структуры жизненного мира. Хабермас выделяет три структурных компонента жизненного мира: культуру, общество, личность. Коммуникативное действие обеспечивает воспроизводство и обновление символических структур жизненного мира. «Символические структуры жизненного мира воспроизводятся путем продолжения достоверного знания, стабилизации групповой солидарности и социализацией ответственных акторов» [Habermas, 1981b: Bd. 2, 208-209]. Существование символических структур становится возможным потому, что материальное воспроизводство жизненного мира обеспечивается целерациональным (инструментальным и стратегическим) действием, ориентированным на успешное об-

ращение с вещами и людьми. На основе различения коммуникативного действия, ориентированного на взаимопонимание, и целерационального действия, ориентированного на успех, Хабермас объясняет парадокс рационализации. Рост коммуникативной рационализации социальной жизни сопровождается необходимой для поддержания ее материальных условий функциональной рационализацией экономической и административной подсистем. Но в процессе развития общества подсистемы целерационального действия превращаются в сложные гиперпрофилированные комплексы, и системные механизмы координации и интеграции действий посредством денег и власти начинают замещать и подавлять формы социальной интеграции на основе языковой коммуникации. Рационализация принимает форму колонизации жизненного мира системой [Habermas, 1981b: Bd 2, 232-233, 293].

Колонизация заключается в бюрократизации и монетаризации науки и образования, в государственном и корпоративном вмешательстве в функционирование сообществ и в частную жизнь семей. Публичная и частная сферы подчиняются императивам системы посредством государственного контроля над экономикой, режима массовой демократии и режима welfare state. Социальная интеграция замещается юридически закрепленной системой формальных ролей наемного работника, лояльного гражданина, потребителя, клиента общественных служб [Habermas, 1981b: Bd 2, 522-523].

В обществе, в котором социальное развитие подменяется развитием системы, основной линией конфликтов становится разрыв между «центром», представленным слоями, вовлеченными и заинтересованными в поддержании экономической и административной системы — предпринимателями, рабочими, торговцами, чиновниками и т. п., и «периферией», представленной теми группами, чьи интересы связаны с поддержанием жизненного мира [Habermas, 1981b: Bd. 2, 576-580]. Хабермас приводит длинный список сил протеста: антивоенное и экологическое движения, движения за альтернативный образ жизни, меньшинства (престарелые, гомосексуалисты, инвалиды и т. д.), религиозные фундаменталисты, движение против налогов, ассоциации родителей, выступающих против существующей школьной системы, женское движение и т. п.

Кроме феминистского движения, единственного сохраняющего традиции освободительных движений, остальные движения ориентированы не на «завоевание новых территорий» свободы, а на противодействие экспансии системы в жизненный мир, то есть имеют «оборонительный» характер. Среди этих движений сопротивление Хабермас выделяет те, что ориентированы на новые формы жизни и чьи цели и действия укоренены не в традиционном обществе, но в уже рационализованном жизненном мире. Антивоенное, экологическое, молодежное, альтернативные движения образуют ядро этих сил защиты жизненного мира, борющихся против инструментализации труда, превращающей его из призвания в извлечение дохода, против распространения принципов конкуренции в школе, против давления консюмеризма на формирование личного стиля жизни; против превращения отношений между общественными службами и их клиентами в отношения зависимости [Habermas, 1981b: Bd. 2: 582].

В сконструированной Хабермасом символической коалиции в защиту жизненного мира явно доминируют движения и группы, ориентированные на препятствование технологическим и социально-структурным изменениям, на сохранение ценностей, культурных паттернов и нормативных структур, сложившихся в период модер-

низации общества в XIX — XX вв. Триединство культуры как рационального знания, общества как сети групповых солидарностей, личности как социально ответственного актора — это тот жизненный мир, который более всего соответствует доктринам идеологов Просвещения. Однако коммуникативное действие, создающее смыслы и поддерживающее социальность, на рубеже XX и XXI вв. уже не вмещается в рамки повседневного общения, местных общин, речевых паттернов, культивируемых интеллектуалами. Идентифицировав в теории коммуникативного действия идеал социальности с ретроградным социокультурным проектом просвещенных буржуа, Хабермас завершил свою интеллектуальную эволюцию от радикального неомарксизма к консервативному постмарксизму.

Консерватизм Хабермаса особенно отчетливо проявился в его отношении к новой форме критического дискурса, возникшего в социальных науках на рубеже веков. Как и основатели Франкфуртской школы, Хабермас исходил из того, что определение пути преодоления отчуждения, являющееся главной целью критической теории, должно строиться на исторически конкретном анализе процесса овеществления — превращения социальных структур в объективированные, надъиндивидуальные, противостоящие человеку как внешняя и непреодолимая реальность. Овеществление Хабермас определяет как «паталогическую деформацию коммуникативной инфраструктуры жизненного мира» [Habermas, 1981b: Bd. 2: 549]. Однако в течение последней трети XX в. стали отчетливыми тенденции развеществления общества: сущность человека отчуждается теперь не только и не столько в социальную реальность институтов и общностей, сколько в виртуальную реальность образов и коммуникаций [Иванов, 1999]. Проблема преодоления отчуждения и роль коммуникативной рациональности стали выглядеть совсем иначе в контексте постмодернистских теорий Ж. Бодрийяра [Baudrillard, 1981] и Ж.-Ф. Лиотара [Lyotard, 1979], выдвинувших концепции «исчезновения» социальной реальности в модернизмом ее понимании и появления «гиперреальности», в которой медийные образы и дискурсы оказываются более ощутимыми и более действенными, чем реальный опыт обращения с вещами и общения с людьми. Постмодернизмом рациональность и инструментальность и коммуникативного действия в равной степени релятивизируется.

Постмодернизм стал вызовом для компромиссной версии критической теории и для интегративной парадигмы, которую создал Хабермас. В «Теории коммуникативного действия» проблема утраты теорией критического потенциала в контексте развеществления общества не обсуждается, идеи теоретиков-постмодернистов игнорируются. Однако на протяжении 1980-х гг. постмодернистские концепции стали главным объектом интенсивной критики со стороны теоретиков, принадлежащих к традиции Франкфуртской школы [Habermas, 1980; 1981a; 1985; Kellner, 1989; Wellmer 1985]. Инициатором критики стал Хабермас, который в своей речи «Модерн — незавершенный проект» (1980), в статье «Современность против постсовременности» (1981) и затем в обширном труде «Философский дискурс современности» (1985) квалифицировал постмодернизм как «новый консерватизм» [Habermas, 1980; 1981a; 1985].

Модерн Хабермасом рассматривается не как определенная культурная эпоха, а как социокультурный проект — система ценностей, задающих пути развития. Модернизация привела к утрате регулятивной и мотивационной силы базовых для Модерна ценностей свободы и прогресса. Для современной западной культуры призна-

ются характерными «гедонизм», «нарциссизм», социальная инертность [Хабермас, 1992: 44]. Но это не свидетельство «конца» Модерна, а результат «односторонности» модернизации, развившей систему в ущерб жизненному миру. Отсюда следует вывод, что проект Модерна отнюдь не исчерпан, и необходимо продолжение модернизации в направлении создания внутри жизненного мира институтов, ограничивающих экспансию системных императивов экономического роста и бюрократического контроля [Хабермас, 1992: 50]. Хабермас полагает, что «одностороннее» развитие системы провоцирует атаки на идеи рациональности, свободы и прогресса со стороны таких «младо-консерваторов», как Фуко, Лиотар, Деррида, Бодрийяр. Однако полный отказ признать критический потенциал их концепций властизнания, метанарративов, атомизации социального, симулякров, а также обличительный стиль текстов указывают на то, что не постмодернизм является эмоциональной реакцией и актом интеллектуального отчаяния перед лицом «апорий модерна», а охранительный в отношении основ собственной теории подход Хабермаса.

В условиях нарастающей виртуализации общества такой негативный и консервативный подход не согласуется ни с исходными принципами критической теории, ни с социальными процессами. Поэтому даже бывший соратник Хабермаса по Франкфуртской школе А. Веллмер в сборнике статей «К диалектике Модерна и Постмодерна» (1985) представил более адекватный подход, выявляя в новых социальных и культурных движениях и также в работах теоретиков-постмодернистов и пафос «радикализации Просвещения» («самопреодоления» Модерна), и пафос «конца Просвещения» [Wellmer, 1985: 48, 57]. Позиция Веллмера в отношении постмодернистской теории амбивалентна. Признавая ее критический потенциал, он полагает ее этически несовместимой с целями сохранения «потенциала гуманности», фундаментальными для Франкфуртской школы [Wellmer, 1985: 127-128]. Еще более прагматичную позицию в отношении постмодернизма выработали последователи критической теории Франкфуртской школы в США. Например, Даглас Келлнер в книге «Критическая теория, марксизм и современность» (1989), исходя из динамического и рефлексивного определения критической теории как «серии ответов на следующие друг за другом кризисы капитализма и марксизма» [Kellner, 1989: 2], упрекает Хабермаса за «оборонительную» и «враждебную» позицию в отношении попыток постмодернистов выработать новый критический дискурс. Консерватизму Хабермаса противопоставляется готовность обновлять и ревизовать теорию в ответ на вызов эпохи, как это в свое время делали теоретики первого поколения Франкфуртской школы [Kellner, 1989: 167].

Защищая Модерн и Просвещение от «неоконсерватизма» постмодернистов, Хабермас сам в итоге создал специфический леволиберальный консерватизм. Идеал свободной и равной речевой коммуникации, устанавливающей рациональный консенсус, предстает утопией, референты которой находятся в жизненном мире немецких бюргеров, которые в позапрошлом веке создавали общественное мнение в публичных пространствах домашних помещений эпохи — в интеллектуальных салонах, кафе, пивных [Habermas, 1962], в прошлом веке защищали от крупных корпораций и государства привычные формы общения, олицетворяемые семьей, местной общиной, школой [Habermas, 1981b], и теперь мечтают о равенстве и свободе для способных к рациональной речевой коммуникации, то есть для таких, как они сами, представителей средних слоев в модернизированном обществе [Habermas, 1992].

Концепция так называемой делиберативной демократии, которую Хабермас развивает, начиная с работы «Фактичность и значимость» (1992), в последний период своего творчества продолжила эту линию консервативного утопизма [Habermas, 1992]. Никогда не существовавшая «идеальная речевая ситуация» совершенно невозможна во все усложняющемся обществе, трансформируемом сетевыми и потоковыми структурами, а мечты о «дискурсивной свободе» дискриминируют тех, кто не обладает той коммуникативной компетентностью, которую Хабермас считает «естественной». Сконструированный Хабермасом жизненный мир не вмещает многие группы, среди которых — мигранты, неквалифицированные работники сферы услуг, инвалиды, аутичные технари и интернет-пользователи, коммуницирующие при помощи лайков и мемов, а не посредством обмена рациональными аргументами.

Диалектика развития: система, жизненный мир и вызов поствиртуализации

Несмотря на то, что у Хабермаса она используется, чтобы противостоять социальным изменениям и отстаивать идеи, ценности, структуры позапрошлого столетия, идея коммуникации как основы социальности верно отражает современные тенденции развития общества. Для адекватного этим тенденциям применения теории коммуникативного действия необходимо пересмотреть понятие жизненного мира. В контексте процессов конца XX — начала XXI в. жизненным миром, где происходят создание смыслов, развитие символических структур и легитимация систем, предстает не консервативная повседневность как обыденная реальность, воспроизводящая традиционность, а дополненная реальность, создаваемая креативными и мобильными коммуникациями.

Метафора дополненной реальности (augmented reality) становится эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации.

Виртуализация — это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе современного типа социальные институты и интеракции. Виртуализация общества приводит к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговое» в противовес «цифровому». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных движений все чаще создают пространства, функция которых — быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, котокафе...). Социальная жизнь в точках доступа к сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом су-

ществование в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Lyotard, 1979; Baudrillard, 1981], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

В теории Ю. Хабермаса социальная реальность двухуровневая, существующая как система и как жизненный мир. Эта концепция сосуществования автономных реальностей и иерархических отношений между ними опирается на учение А. Шюца о конечных / замкнутых мирах смыслов при особом статусе повседневности [Schutz, 1967]. Новые структуры, технологии, практики демонстрируют не замкнутость соподчиненных реальностей, а возникновение смешанных, гибридных форм как результата пересечения институциональных границ сетевыми и потоковыми структурами. В ситуации поствиртуализации при нарастающем использовании в коммуникациях технологий дополненной реальности происходит вторжение виртуальной реальности в реальность повседневности и в реальность институционализированной публичности, что меняет возникшую ранее логику автономизации виртуальных пространств как отдельных миров смысла. Дополненная реальность становится концептуальным решением той задачи, которую ставил перед своей теорией Хабермас: интегрировать весь ряд предшествующих образов социальной реальности. Концепт дополненной реальности охватывает все формы — от дюркгеймовской реальности *sui generis* и шюцевских конструкций до гиперреальности, исчезновения реальности и виртуальной реальности.

Теоретическая и практическая значимость «двухуровневой» модели общества определяется не тезисом о защите жизненного мира как идеи и как реальности, а открытой Хабермасом диалектикой социального развития: интенции социального развития приводят к опережающему развитию системы и к растущему расхождению между системным развитием и социальным развитием. Интегративная парадигма, в которой диалектика структур и агентности, макросоциального и микросоциального переходит в диалектику системы и жизненного мира, открывает путь к новому пониманию социального развития, его направленности и индикаторов.

В течение 1980-х гг. в социальных науках произошел сдвиг в понимании и оценке развития от доктрин модернизации, в которых акцент делался на технико-экономических показателях уровня жизни (ВВП на душу населения, объемы производства сырья и конечной продукции — чугуна, зерна, машин, мяса и т. п.), к концепциям, более ориентированным на качество жизни людей. Понимание того, что развитие экономической системы не совпадает с собственно социальным развитием лежит в основе получившего широкое признание «индекса человеческого развития» ООН, который публикуется с 1990 г. и включает три компонента оценки качества жизни: ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования. Однако международное экспертное сообщество продолжает

конструировать альтернативные показатели социального развития, которые бы больше соответствовали современным представлениям о благополучном и гармоничном существовании людей. Предлагаемые альтернативные методики, например «индекс счастья» (Happy Planet Index), публикуемый Фондом новой экономики с 2006 г., или «индекс лучшей жизни» (OECD Better Life Index), созданный под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития в 2011 г., ориентированы на учет таких новых измерений социального развития, как уровень субъективно оцениваемого счастья, экологическое благополучие, гендерное равенство, гражданский активизм, уровень доверия между людьми и к общественным институтам и т.п.

Введение новых показателей социального развития — это тренд в социальных науках, который в точности следует логике теории Хабермаса. Вводятся индикаторы развитости символических структур жизненного мира и рационализации коммуникативного действия, создающего ценности и смыслы, доверие и солидарность. И они призваны дополнить те экономические и структурно-институциональные показатели (ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность обучения), которые указывают на функциональную рационализацию, на развитие системы и на эффективность ее нормативных структур в сферах производства / потребления, здравоохранения и образования. Таким образом, логика теории Хабермаса раньше других и отчетливее других открыла путь к актуальной теперь идее несводимости социального развития к повышению функциональности институтов, образующих систему, которая поддерживает социальную жизнь, но не может быть ее смыслом. Не являясь непосредственным источником для новых концепций измерения социального развития, теория Хабермаса оказала свое влияние скорее опосредованно, внося свой вклад в формирование публичного дискурса и умонастроений исследователей и экспертов, участвующих в общем для социальных наук повороте к интегративным и более человеко-ориентированным представлениям о социальной реальности.

Главное теоретическое достижение Юргена Хабермаса — его интегративная парадигма несет в себе большой инновационный потенциал не потому, что объединяет разноречивые социологические подходы, а потому, что открывает диалектику системного и социального развития. Парадоксальным образом, инновационный потенциал теории Хабермаса стал результатом превращения интенций обновить и затем реконструировать марксизм в создание консервативного по сути варианта постмарксизма. Диалектика системного и социального в жизни людей получила отражение в диалектике инновационного и консервативного в интеллектуальной биографии Хабермаса. Эта диалектика интеллектуальной биографии Хабермаса открывает перспективу разнообразных вплоть до противоположности, влияний и применений его социально-теоретического наследия.

Список литературы

- Иванов Д. В. (1999) Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. № 1. С. 32-40.
 Хабермас Ю. (1992) Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. № 4. С. 40-52.
 Alexander J. 1982 *Theoretical Logic in Sociology*. London: Routledge.
 Baudrillard J. 1981 *Simulacres et simulation*. Paris: Galilee.
 Giddens A. 1984 *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Los Angeles: University of California Press.
 Habermas J. (1962) *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Neuwied: Luchterhand.

Habermas (1968a) Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1968b) Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1973) Legitimitätsprobleme im Spatkapitalismus. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1976) Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1980) Die Moderne — ein unvollendetes Projekt. Die Zeit. 19. September.
 Habermas (1981a) Modernity versus Postmodernity. New German Critique. No 22: 3-14.
 Habermas J. (1981b) Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1985) Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1992) Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas J., Luhmann N. (1971) Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung. Frankfurt am Main Suhrkamp.

Horkheimer M. (1941) The End of Reason. Studies in Philosophy and Social Science. Vol. IX: 366-389.
 Horkheimer M. (1988) Traditionelle und Kritische Theorie. Gesammelte Schriften. Bd. 4: Schriften 1936-1941. Frankfurt am Main: Fisher Verlag.
 Horkheimer M., Adorno T. (1947) Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido.
 Kellner D. (1989) Critical Theory, Marxism, and Modernity: Development and Contemporary Relevance of the Frankfurt School. Baltimore: John Hopkins University Press.
 Lyotard J.-F. 1979 La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Minuit.
 Marcuse (1964) One-Dimensional Man. Boston: Beacon Press.
 Marcuse (1972) Counterrevolution and Revolt. Boston: Beacon Press.
 Parsons T. (1966) Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
 Schutz A. (1967) The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press.
 Sztompka P. 1979 Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. New York: Academic Press.
 Wellmer A. (1985) Zur Dialektik von Moderne und Postmoderne. Vernunftkritik nach Adorno. Frankfurt am Main Suhrkamp.

Analyzing Habermas: Conservative Post-Marxism and New Model of Social Development

Dmitry Ivanov

St. Petersburg state university, Russia
 Dmitry V. Ivanov, Dr. of sociology, professor, St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia
 dvi1967@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to J. Habermas' 90th birthday and to analysis of his contribution to sociological theorizing with special focus on his conception of the modern society development. The neo-Marxist and post-Marxist phases in his intellectual career have been characterized. Habermas' integrative paradigm and his two-level theory of society are interpreted as a new perspective on goals and indicators of social development. Being presented as foundations of sociality, communicative rationality and communicative action correspond to current processes of social development, but in Habermas' theory they are used to deter social changes and to defend values and institutions of the previous centuries. from the past. Conception of the life-world defense against the system expansion is a kind of conservative utopia. Under today's virtualization and post-virtualization conditions the life-world is not conservative reality of everyday routine but augmented reality constructed by creative and mobile communications and supported by network and flow structures. In such augmented social reality, communicative action creates meanings, symbolic structures legitimating purposive-rational action and the system.

Key words: Habermas, critical theory, communicative action, social development, dialectic
 doi:10.33491/telescope2019.302

REFERENCES

Alexander J. 1982 Theoretical Logic in Sociology. London: Routledge.
 Baudrillard J. 1981 Simulacres et simulation. Paris: Galilee.
 Giddens A. 1984 The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Los Angeles: University of California Press.
 Habermas J. (1962) Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Luchterhand.
 Habermas (1968a) Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main Suhrkamp.

Habermas (1968b) Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1973) Legitimitätsprobleme im Spatkapitalismus. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1976) Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1980) Die Moderne - ein unvollendetes Projekt. Die Zeit. 19. September.
 Habermas (1981a) Modernity versus Postmodernity. New German Critique. No 22: 3-14.
 Habermas J. (1981b) Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1985) Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas (1992a) Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Habermas J. (1992b). Modernity: an unfinished project. Voprosy filosofii. No 4: 40-52.
 Habermas J., Luhmann N. (1971) Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung. Frankfurt am Main Suhrkamp.
 Horkheimer M. (1941) The End of Reason. Studies in Philosophy and Social Science. Vol. IX: 366-389.
 Horkheimer M. (1988) Traditionelle und Kritische Theorie. Gesammelte Schriften. Bd. 4: Schriften 1936-1941. Frankfurt am Main: Fisher Verlag.
 Horkheimer M., Adorno T. (1947) Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido.
 Ivanov D. V. 1999 Critical Theory and Virtualization of Society. Sotsiologicheskie Issledovaniya. No. 1: 32-40.
 Kellner D. (1989) Critical Theory, Marxism, and Modernity: Development and Contemporary Relevance of the Frankfurt School. Baltimore: John Hopkins University Press.
 Lyotard J.-F. 1979 La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Minuit.
 Marcuse (1964) One-Dimensional Man. Boston: Beacon Press.
 Marcuse (1972) Counterrevolution and Revolt. Boston: Beacon Press.
 Parsons T. (1966) Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
 Schutz A. (1967) The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press.
 Sztompka P. 1979 Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. New York: Academic Press.
 Wellmer A. (1985) Zur Dialektik von Moderne und Postmoderne. Vernunftkritik nach Adorno. Frankfurt am Main Suhrkamp.